

Наконец греки придумали ввести в действие некий ужасающий план. Они взяли семнадцать больших кораблей и наполнили их большими деревянными плахами, смолой, корой, деревянными бочками и стали ждать, пока с их стороны не подул сильный ветер. И в полночь они подожгли эти корабли, дали им разгореться и с развернутыми парусами пустили по течению. Пламя вздымалось так высоко, что казалось, будто вся земля пылает.

Эти корабли подошли к флоту крестоносцев; горны возвестили о тревоге. Венецианцы же и все остальные поторопились к своим кораблям и, приложив все силы, смогли спасти их от опасности. Жоффруа, маршал Шампани, который составил эту хронику и был очевидцем происшествия, заверяет, что никогда еще люди не защищали себя на море отважнее, чем той ночью вели себя венецианцы; ибо они кинулись на галеры и к кораблям. Они подцепляли суда крючьями, перед лицом врага вытаскивали плавающие суда из гавани. Взяв их на abordаж, они выводили на течение пролива и пускали плыть, объятых пламенем, в море. Греков столпилось на берегу столько, что не было им ни края, ни меры; от них исходил такой крик, что казалось, будто земля и море раскалываются. Они садились в лодки и в шлюпки и стреляли в наших людей, которые сражались с огнем, и многие получили ранения.

Рыцари в лагере, как только услышали призыв к оружию, сразу же вооружились, и боевые отряды выступили в поле, каждый в своем месте, сообразно тому, где был размещен. Они опасались, как бы греки не напали на них с равнины.

Этим тяготам и волнениям наши люди подвергались до рассвета; однако с Божьей помощью мы не понесли никаких потерь, кроме одного торгового корабля с товарами из Пизы, который был охвачен огнем и утонул. Все мы этой ночью были в великой опасности, ибо если бы наш флот сгорел, мы потеряли бы все и не смогли бы уйти оттуда ни по суше, ни по морю. Вот какую награду хотел дать нам император Алексей за ту помощь, которую мы ему оказали.

И теперь, когда греки так плохо поступили с французами, часть из них поняли, что не осталось никаких надежд на примирение, и они втайне собрали совет, чтобы предать своего государя. Был там некий грек, к которому император питал большее расположение, и он-то больше, чем кто-либо, втягивал его в распрю с французами. Звали этого грека Мурзуфлус (Мурзуфл – насупленный – из-за сурового взгляда из-под густых бровей).

По совету и с согласия других однажды вечером, точнее, в полночь, когда император Алексей IV спал в своих покоях, Мурзуфлус и те, кто должен был его охранять, вытащили императора из постели и бросили в темницу. Сам же Мурзуфлус, получив одобрение прочих греков, по их совету обулся в алые котурны и объявил себя императором (Алексеем V Мурзуфлом). Потом его короновали в церкви Святой Софии. Доводилось ли вам слышать о таком ужасном предательстве!

Когда император Исаак II услышал, что сын стал пленником, а Мурзуфлус занял его место, им овладел такой великий страх, что он захворал и вскоре умер. Что же до его сына, которого Мурзуфлус держал в заключении, то два или три раза по приказу последнего Алексею давали яд, но Бог не захотел, чтобы он умер таким образом. После этого Алексей IV был задушен, после чего Мурзуфлус повелел повсюду говорить, что тот умер своей смертью. Мурзуфлус похоронил его с почестями, как императора, и прикинулся, будто весьма скорбит.

Но скрыть убийство было нельзя. Очень скоро и грекам, и французам стало известно об этом преступлении, которое было совершено так, как я вам рассказал.

Сеньоры и дож Венеции собрались на совет, где присутствовали и епископы и прочее духовенство. Все церковнослужители, особенно те, кто имел особые полномочия от папы, согласились с предводителями войска и другими крестоносцами – любой, кто виновен в таком убийстве, не имеет права владеть землею, а те, кто согласился с подобным, суть соучастники убийства, и, кроме того, греки уклонились от повиновения Риму. «Посему мы и говорим вам, – сказало духовенство, – что война эта является правой и справедливой; и если вы готовы завоевать эту землю, чтобы привести ее в подчинение Риму, то все из вас, которые погибнут, исповедавшись, получают от папы отпущение грехов». Слова эти послужили великой поддержкой и ободрением предводителям войска и прочим крестоносцам.

Между французами и греками разгорелась яростная война. Она шла без перерывов, становилась все более и более жестокой, не проходило и дня, чтобы не шли сражения на суше или на море. Однажды Анри, брат графа Балдуина Фландрского, предпринял конный рейд и повел с собой большую часть лучших воинов из лагеря. Среди них были Жак д'Авень, Балдуин де Бовуар, Эд де Шамплитт и его брат Гийом, а также другие люди из их страны. Они покинули лагерь примерно в